

ЭРОТИЧЕСКИЙ РОМАН

# ЧУРУГА

*история озного грузинского лета*

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

ВАНДЕР

# Вандер Вандер Чуруга

*<https://litres.ru/74292727>*

*SelfPub; 2026*

## Аннотация

В городе, где летнее солнце плавит асфальт, пахнет морем, кофе и раскалённым бетоном, Ева строит новую жизнь. Она работает в кофейне, создаёт керамику и давно решила, что больше никогда не позволит мужчине определять её судьбу. Но встреча с американским инвестором Хью Мариоттом ломает правила, по которым она жила. Он привык всё контролировать, она — никому не подчиняться. Их связывает общий проект, опасный противник и чувства, которым оба отчаянно сопротивляются. Когда прошлое вновь напоминает о себе, им придётся решить, что сильнее: страх потерять свободу или желание наконец довериться. Это роман о людях, которые учатся любить не вопреки своим ранам, а вместе с ними.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава                             | 4  |
| Эспрессо.                         | 5  |
| Лиза.                             | 13 |
| Ребро.                            | 24 |
| Эскорт.                           | 31 |
| Джесс и Брендон.                  | 38 |
| Неудобная.                        | 48 |
| Вечер открытий.                   | 58 |
| Утро                              | 74 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 75 |

# Вандер Чуруга

## Глава

**Название:** Чуруга

**Автор(-ы):** Вандер

# Эспрессо.

Хью захлопнул ноутбук, надеясь, что все проблемы исчезнут вместе с этим звуком. Новенький макбук схлопнулся с сухим хрустом.

Он встал с рабочего кресла и вышел на балкон. Хью посмотрел на море и ощутил поток горячего воздуха на лице и шее. Несмотря на включённый кондиционер и лёгкий хлопковый костюм, в квартире стояла почти такая же жара, как на улице. По его красивому лицу стекали капли пота. Эта невыносимая духота раздражала его не меньше, чем вечные задержки сроков строительства, которым он руководил.

Апарт-отель, принадлежавший его отцу, строился в маленьком грузинском городке уже слишком долго — именно поэтому Хью оказался в этом пекле.

Он всегда помогал отцу. Будучи младшим сыном, Хью рано выбрал путь, где дисциплина и трудолюбие должны были привести его к успеху без огромных денег богатого папочки. Годами он работал над тем, чтобы заслужить уважение умом и упорством. К своим 30ти годам он буквально вылепил из себя глыбу трудоголизма, пока старший брат и их сверстники тусовались в Монако на яхтах с длинноногими моделями. Хью же проводил рабочее время за отчётами, а свободное — на пробежках или в зале.

Но эта жара плавila всю его волю и дисциплину. В род-

ном Нью-Йорке он никогда не сталкивался с подобным.

В Батуми каждое лето наступал период адской жары, к которой, казалось, привыкли только местные. С середины июля до конца августа стояла липкая духота без ветра, а влажность достигала предела. Хью и тем более его отец этого не знали. Проведя здесь всего две недели, он уже проклял всех, кто мог бы предупредить его о погоде. Как назло, он прилетел пятнадцатого июля — в самый разгар «чуруга», как называли этот период местные.

Хью не мог понять, что злит его больше — невозможность вдохнуть свежий воздух даже ночью или бесконечные отмазки управляющего, отвечавшего за поставку материалов для отделки верхних пентхаусов. Сроки срывались по абсурдным причинам: у кого-то свадьба, водитель опоздал, перевод денег задержался, потому что в выходные банки не работают.

Что с этой страной не так?

— Нет, я больше этого не вынесу! Чёртова жара! — сказал он и вылетел из номера, даже не застегнув хлопковую рубашку.

В попытке выкинуть работу из головы Хью спустился пешком с тринадцатого этажа на первый и спокойным шагом вышел из просторного светлого холла на полуденную жару, ничуть не запыхавшись.

Апарт-отель «Mariott», который строил его отец, располагался на узкой полоске земли между набережной и озером, окружённым уютным парком. Огромный жилой ком-

плекс высотой в шестьдесят этажей был выполнен в форме гигантской доски для сёрфинга, к которой примыкало здание-«волна». В этой части отделочные работы уже завершили, и продажи апартаментов для инвесторов успешно открылись на прошлой неделе — событие, которое радовало Хью как никогда.

Он любил свою работу и часто селился рядом с объектами, которыми руководил. Если можно было жить прямо в них — он так и делал. Отец возлагал на него большие надежды, и к своему тридцатилетию Хью точно знал, что ни разу его не подводил.

Но сейчас он сомневался. Здесь, в Батуми он впервые он поймал себя на мысли, что устал не от работы — а от необходимости всё время быть тем, на кого рассчитывают.

Перейдя дорогу, Хью оказался в парке. Пройдя по гравийной дорожке к озеру, он присел на огромный валун и посмотрел на черепаху, уныло перебирающую лапами в воде.

Если бы не пекло, город ему понравился бы. Грузины были добры и гостеприимны, в Батуми было много иностранных инвесторов, а ещё здесь Хью снова начал говорить на русском. Он поймал себя на мысли, что мама была бы рада — она не зря учила его своему родному языку. В городе оказалось много эмигрантов из России, Украины и Беларуси, образовавших целое русскоязычное комьюнити.

Раньше Хью вспоминал русский только когда злился — резкие звуки языка лучше всего выражали эмоции. И это

неожиданно оказалось полезным в работе: не все грузины уверенно говорили по-английски.

Но как они умудрялись ТАК косячить?!

Чтобы отвлечься, Хью решил пройтись туда, где ещё не был. Он бесцельно брёл по узким улочкам в сторону гор, медленно разглядывая фасады зданий. Архитектурное образование давало о себе знать — наблюдение всегда помогало ему успокоиться.

Минут через двадцать он остановился.

Здание перед ним выглядело совершенно обычным — стеклянные окна, балконы второго и третьего этажей, двери на первом. Всё было скучно... кроме одного.

Огромного уродливого зеркала, приклеенного к стене монтажной пеной, выкрашенной в болотно-зелёный цвет. В пену были хаотично воткнуты пластиковые цветы, засушенный эвкалипт, гирлянда и бантики. Само зеркало, высотой почти с него, было облеплено стикерами со странными кодами.

Рядом стояли лавочки из старых поддонов с милыми подушками, а из колонки гремели хиты нулевых. Музыку Хью заметил не сразу — так происходило всякий раз, когда он был одновременно очарован и шокирован чьим-то творчеством.

Очередная странная кофейня.

Без вывески. Только наклейка на двери: «1997».

«И название отвратительное», — подумал Хью и вошёл.



Внутри было много растений, странный офисный потолок, винтовая лестница на второй этаж с тёплым светом. На диванчике спала чёрная кошка, а бело-рыжий кот сидел у барной стойки. За баром царил дружеский хаос — двое парней и девушка напевали завирусившуюся песню из TikTok.

Вот оно. То, что наконец отвлекло его от стройки.

Хью подошёл к бариста и заказал эспрессо на месте и американо с собой. Девушка с копной рыжих кудрей смутилась, но приняла заказ на ломаном английском. Его это не удивило — всё в этом месте говорило, что кофейня создана для русскоязычных эмигрантов.

Эспрессо оказался неожиданно хорош.

Понаблюдав за посетителями и за тем, как рыжая бариста отчитывала толстого бело-рыжего кота, который яростно драл обивку стула, Хью вспомнил о времени и подошёл за своим американо. Девушка перепутала заказ и, неловко извинившись, начала готовить новый.

И тогда он заметил татуировку на её бедре — прямо под кромкой шорт.

*mors tantum initium est* «Смерть — это только начало»

Он уже видел такую. В груди неприятно сжалось — так резко, будто память опередила мысль. Прошло четыре года с того дня.

Воспоминания нахлынули резко — болезненные и тёплые одновременно, как вдох после долгого погружения. Рука коснулась кольца на правой руке, простое серебрянное кольцо,

но пальцы словно обожгло. Сердце пропустило один ужар. Звуки вокруг стали тише - Хью оглушило. Он стоял, как вкопанный, не в силах оторвать глаз от татуировки девушки и руку от своего кольца.

— Как же мужло заебалю, — сказала она по-русски.

И посмотрела прямо ему в глаза.

Хью молча положил в банку чаевых пятьдесят долларов и вышел.

Она догнала его у зеркала, держа купюру в руке, пытаясь объяснить на английском, что это слишком много. Он поморщился и ответил на чистом русском:

— Пожалуйста, объясните, в чём дело, и я пойду.

Она удивлённо открыла рот.

— Окей... тогда по-русски. Вы, наверное, перепутали купюру. Я не могу это взять.

— Для попытки познакомиться — слишком неумело, — холодно сказал он. — У меня есть работа.

Она громко рассмеялась.

— Говорит чел, который пялился на мои ноги! Думаешь, всё вокруг тебя крутится? - я не пялился, я задумался... - думаешь я куплючъ на это? - она сделала шаг вперёд и ткнула ему в грудь свёрнутой в трубочку купюрой

— Вам нужен психиатр, — бросил он, делая шаг назад.

Девушка впервые внимательно его рассмотрела — уже не из раздражения, а оценивающе, почти с вызовом.

Он был выше неё почти на голову. Плечи широкие, но без

показной массивности — фигура человека, который много двигается и тренируется для себя, а не ради чужих взглядов. Лёгкая рубашка прилипла к телу от жары, подчёркивая крепкие руки и сухую, собранную силу.

Лицо живое — с характером. Чёткий профиль, прямой нос, выраженные скулы и линия челюсти, смягчённая щетиной. Я мочки на щеках. Кожа загорела неравномерно, будто он много времени проводил на улице. Под глазами залегла усталость, но серые глаза смотрели спокойно и прямо, без суеты и без желания произвести впечатление. В этом взгляде было что-то упрямое и сдержанное — привычка держать контроль даже тогда, когда всё раздражает.

Тёмные волосы слегка вились и были длиннее, чем принято в деловой среде. На затылке они собирались в небольшой хвост — не как элемент стиля, а скорее из практичности, будто стричься ему просто некогда.

Он выглядел собранным даже в раздражении. Дорогая одежда сидела естественно, словно он не задумывался о том, как производит впечатление — и именно поэтому производил его.

Она чуть прищурилась.

— Ты красивый. И что? Думаешь, этого достаточно?

— Для многих — да.

— Я радикальная феминистка. Знаешь что это значит? У нас разные дороги.

Девушку трясло от раздражения. Хью — наоборот, это за-

бавляло.

— Как тебя зовут, феминистка?

— Какая тебе разница?

— Люблю необычных людей и у тебя есть кое-что, что мне понравилось.

— Я встречала таких как ты. Вы - богатеи - набиты дерьмом.

— Это ты не знала меня.

— Дешёвый подкат, иностранец, Nice to meet you.

Она развернулась и убежала обратно в кофейню.

Хью остался у зеркала, внезапно почувствовав, что жара — не самое опасное, с чем он сегодня столкнулся. Секунду помедля, он двинулся в сторону Marriott, рассматривая улочки, но мысли упрямо возвращались к татуировке на бедре рыжей девушки. Впервые за долгое время ему стало по-настоящему некомфортно не из-за погоды.

# Лиза.

— Лиза, я дома!

Ева распахнула дверь и шагнула в свою маленькую студию. Квартира находилась в двух минутах от кофейни — идеальное расстояние: закрыла смену, и почти сразу дома. И ей всегда было к кому спешить.

Внутри горели гирлянды — на гардинах, телевизоре и даже на люстре, создавая мягкий, тёплый свет. Высокий деревянный стеллаж утопал в зелени. Лампа для фотосинтеза окрашивала часть комнаты в приглушённый фиолетовый оттенок. Колонка негромко играла джаз семидесятых.

Несмотря на небольшую площадь, здесь всё было на своём месте. Ловец снов над диваном. Подкова над зеркалом. Сухоцветы на кухне. Вязаный коврик посреди комнаты. Дом пах аромасвечами и немного — кофе.

На столе лежал старенький ноутбук, облепленный стикерами. Винтажный стул служил вешалкой. Кроссовки — три пары — были разбросаны по комнате, будто у них был собственный маршрут передвижения.

Ева улыбнулась. Она любила возвращаться сюда. Здесь никто не оценивал, не учил жить, не пытался «объяснить». Здесь можно было просто быть.

Отдыхать, впрочем, было рано.

Лиза — огромная немецкая овчарка — спала, раскинув-

шись на кресле.

— Дрыхнешь, жужелица? А на прогулку кто пойдёт?

Собака вскочила и радостно залаяла.

— Всё, булка, пошли.

Ева надела на неё ярко-розовую шлейку со светоотражающими вставками. На себя — кроссовки, один из которых нашёлся в душевой (спасибо, Лиза). Переодеваться она не стала.

Это было её третье лето здесь. Она знала, что август требует простоты.

Синие спортивные шорты подчёркивали сильные, плотные бёдра и округлые ягодицы — тело не хрупкое, а устойчивое, живое. Кожа светлая, с лёгким тёплым подтоном, на ногах — мелкие татуировки и тонкие светлые волоски, которые она никогда не считала нужным прятать.

Серая футболка оверсайз была завязана узлом на талии, открывая живот. Грудь тяжёлая, естественная, не спрятанная и не выставленная — просто часть неё.

Тёмно-рыжие волосы — густые, тяжёлые — спадали ниже пояса. Ветер тронул их, и Ева собрала их в высокий хвост. Лицо без макияжа: широкие брови, прямой нос, мягкая линия губ. В носу маленькое колечко пирсинга. В её чертах не было аккуратной «инстаграмности» — была сила и спокойная уверенность человека, которому не нужно вписываться.

— Выпалась, жужелица?

До парка они дошли быстро. Ева закрепила поводок на

поясе, размялась и побежала. она занималась спортом сколько себя помнила. В свои 27 - Ева была сочного телосложения с чётко очерченными мышцами на ногах и руках. Лиза легко подхватила темп.

После нескольких кругов Ева решила выйти к морю. За парком темнело недостроенное здание Marriott.

— До моря и обратно?

Лиза лизнула ей колено.

Они почти вышли на набережную, переходя широкую велосипедную дорожку, выкрашенную в красный цвет.

С набережной тянуло морской солью и горячим камнем. Вечер ещё не остыл — асфальт хранил дневное пекло, и от него поднимался влажный жар. Велодорожка была почти пуста, лишь редкие силуэты проносились мимо — ролики, самокаты, пара туристов с фотоаппаратом.

Лиза замерла на долю секунды — корпус напряжён, хвост горизонтально, уши вперёд.

Такса.

Маленькое вытянутое тело метнулось по дорожке, словно нарочно. Хозяйка таксы растерянно вскрикнула, но было уже поздно.

Ева даже не сразу поняла, что произошло — просто почувствовала, как пояс дёрнуло так, будто её зацепили крюком. Воздух вокруг стал плотнее, гуще.

— Лиза! — коротко, почти рыча, сказала Ева.

Поздно.

Рывок был резким и злым. Поводок натянулся до предела, врезаясь в пояс. Ева сделала шаг вперёд, пытаясь перехватить контроль, но подошва скользнула по мелкому гравию у края дорожки.

Слева мелькнул свет фары.

Она повернула голову — слишком медленно.

Удар пришёлся в плечо. Твёрдый, быстрый, чужой. Воздух вышибло. В груди что-то болезненно щёлкнуло.

Мир стал наклоняться.

Ева попыталась выставить руку, удержаться, но тело уже летело в сторону. Краем сознания она отметила — Лиза продолжает тянуть. Значит, такса жива. Значит, драки не будет.

Хоть что-то.

Спина и рёбра встретились с металлической поверхностью мусорного бака. Звон отдался в висках. На секунду всё стало белым — без звука, без движения.

Потом звук вернулся.

Сначала — лай Лизы. Потом — мужской мат. Потом — шум моря, как будто он стал громче.

Она лежала на траве, в нескольких метрах от дорожки. Трава пахла пылью. Небо над головой было густо-синим, почти фиолетовым.

Ева попыталась вдохнуть глубже — боль отозвалась под правой грудью, острая, режущая.

Рядом сидела Лиза с высунутым языком. Она уже не лаяла. Глаза виноватые.



— Ну ты... — выдохнула Ева, — ну ты даёшь...

Она перевернулась на бок, медленно поднимаясь на локте. Плечо пульсировало, в ушах шумело, но злость уже собиралась внутри — плотная, горячая.

И только тогда она увидела двух парней с самокатами.

— Следить за собакой надо, дура!

Голос разрезал воздух. Грубый и самоуверенный.

Ева подняла голову. Перед ней стояли двое — один высокий, худой, с самокатом в руке, второй ниже, крепче, с перекошенным от злости лицом.

— Вы серьёзно? — хрипло сказала она, поднимаясь. — Вы летите как бешеные и ещё орёте?

— Да ты сама под колёса полезла! — огрызнулся высокий.

Ева проверила себя быстро: пальцы двигаются, ноги держат, дыхание хоть и больно, но есть. Хорошо. Значит, можно злиться.

— Лиза, рядом.

Овчарка мгновенно переместилась к её ноге, но напряжение не исчезло — шерсть на холке приподнята, низкое предупреждающее рычание вибрировало в груди.

— Поводок где? — буркнул второй. — Такие как ты вообще собак держать не должны.

Ева выпрямилась полностью. Ребро стрельнуло болью, но она даже не поморщилась, взглянула на Лизу, поводок всё-таки сорвался с пояса, но искать его уже не было никакого желания.

— Такие как я?— голос стал тише. Опаснее. — Повтори.  
— Больная какая-то, — фыркнул высокий.

Еваа не раздумывала. Рука поднялась сама — коротко и чётко. Пощёчина получилась звонкой. Даже Лиза на секунду перестала рычать.

Высокий замер. Щека моментально покраснела.

— Ты... — начал он.

— Ещё слово — и собака продолжит, — спокойно сказала Ева.

— Лиза....

Овчарка шагнула вперёд, зубы показались в оскале. Она предупреждала и этого было достаточно.

Набережная замедлилась. Пара прохожих остановилась. Кто-то достал телефон.

И в этот момент прозвучал другой голос:

— Ребята, вы в порядке?

Он был на расстоянии, но звучал чётко. В этом мужском голосе не было паники.

С тёмной стороны парка, от силуэта недостроенного Marriott, к ним бежал мужчина. Высокий. Движения уверенные и быстрые.

Ева узнала его не сразу. Только когда он приблизился на свет фонаря.

Чёрт.

Иностранец из кофейни.

Он скользнул взглядом по самокатчикам, потом по ней. И

задержался. Не на ногах. Не на лице.

На боку.

На ткани футболки.

— Вы ударились? — спросил он, уже подходя ближе. —  
Нужна помощь?

— Слушай, чел, — резко ответила Ева, — помоги вот этому. У него сотряс от моего леща.

Высокий самокатчик фыркнул, но отступил на шаг — собака всё ещё рычала.

Хью сделал ещё один шаг, аккуратно, чтобы не спровоцировать Лизу.

— Уберите собаку, — сказал он тихо. — Она нервничает.

— Она не нервничает, — холодно ответила Ева. — Она умная.

Под правой грудью жгло всё сильнее. Тепло расплзлось по коже, липкое. Ева инстинктивно прижала ладонь к боку.

Пальцы стали влажными.

Она посмотрела вниз.

Кровь.

Немного, но достаточно, чтобы понять — бак содрал кожу глубже, чем казалось.

Мир снова качнулся. В ушах появился гул. Иностранец сделал шаг вперед, протянул руку, чтобы удержать девушку, но та отшатнулась.

— Так, руки! Лиза, домой, — скомандовала Ева, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Овчарка сразу вернулась к ноге, оглядываясь на мужчин.

Ева развернулась и пошла прочь, чувствуя, как каждый шаг отдаётся в рёбрах. Главное — дойти. Не показывать слабость.

За спиной что-то говорили. Смех. Оправдания.

Когда Ева скрылась за деревьями парка, Хью остался на месте на секунду дольше остальных. Он посмотрел на сваренный бак. На тёмное пятно у его основания. На телефон, блеснувший в траве.

Поднял.

Экран загорелся сразу. На заставке — она. Та же рыжеволосая девушка, сидящая у костра, обнимающая овчарку. Волосы распущены, ниже пояса, тёмно-рыжие, тяжёлые. Улыбка не позирующая — живая.

Он перевёл взгляд на траву.

Кровь.

Не драматично. Но свежая.

И он пошёл за ней. Чем дальше Ева шла, тем сильнее разгоралась боль в ребрах, шаги становились медленными и тяжёлыми, он сжала зубы и шла дальше. Она медленно шла по прямой, почувствовав, что колени уже подгибаются, она остановилась, опираясь на фасад какого-то дома. Дышать становилось сложнее — воздух будто не доходил до конца.

— Долбаные мужики... долбаные таксы... — прошептала она.

Она присела на ступеньку. Лиза тут же встала рядом,

плотно прижавшись боком.

Горячо.

Очень горячо.

Под футболкой кожа словно пульсировала. Ева снова посмотрела на ладонь — крови стало больше.

— Вот же...

Шаги.

Она напряглась мгновенно. Лиза тоже — низкий, предупреждающий рык.

— Вы забыли телефон, — услышала она знакомый голос.

Он стоял в нескольких метрах, держа айфон.

— Дай сюда и проваливай, — процедила она.

Он подошёл ближе, но медленно. Кровь расплывалась на серой ткани.

— Похоже, вы сильно ударились. Нужно обработать. Я вызову скорую.

— Нет.

— Это не просьба.

В его голосе появилась жёсткость. Та самая, которую она почувствовала у кофейни.

Ева подняла глаза. Даже сейчас, сидя, испытывая жгучую боль в груди, она смотрела упрямо.

— Ни один мужчина не принимает слово «нет», — сказала она устало. — Как же вы меня бесите...

Мир качнулся сильнее.

Она успела только подумать: держись.

Но тело решило иначе.

Последнее, что она ощутила — шерсть Лизы под ладонью и чьи-то сильные руки, которые не дали ей упасть лицом на ступеньки.

А потом — тьма.

— Чёрт... — тихо выдохнул Хью.

Это было первое слово за несколько недель, в котором не было ни контроля, ни раздражения.

Только страх. Хью почувствовал, что ситуация выходит из-под его контроля.

Хью опустился на колено, удерживая её на руках. Она была тяжелее, чем казалась, и удивительно горячей. Его пальцы скользнули по ткани футболки — влажной, липкой.

Очень много крови. Лиза громко завывала, видя, что хозяйка потеряла сознание и заметалась вокруг Евы.

— Скорая, — коротко сказал он сам себе, уже доставая телефон. Голос снова стал собранным, но руки не были такими же спокойными.

Лиза стояла рядом, напряжённая. Она смотрела на него так, будто решала — враг он или нет. Хью сделал еще один звонок. — Том, я отправил тебе локацию, срочно приезжай. Нужна помощь.

— Я не враг, — тихо сказал Хью, не отрывая взгляда от лица девушки.

Её ресницы дрогнули. Но глаза не открылись.

Когда приехала скорая, медики увидели мужчину, держа-

щего на руках рыжеволосую девушку, и огромную немецкую овчарку, стоящую рядом, как страж.

# Ребро.

Ева открыла глаза.

Первое, что она почувствовала — тяжесть в груди. Не резкая боль, а глухое давление, будто кто-то держал её изнутри. Затем — холод в сгибе руки. Она повернула голову и увидела трубку капельницы.

Больница.

Но больничные палаты не могут быть такими красивыми.

Свет проникал в комнату через огромное окно с винтажными занавесками. Не холодный, не больничный — мягкий, утренний. Стены были выкрашены в нежный персиковый цвет, а не в тошнотворный синий, как в больнице её родного города в России. На полу — паркет. Розовый пушистый ковёр лежал посреди комнаты так, будто это был дизайнерский отель.

— Что происходит?...

Слева стоял деревянный журнальный столик. На нём — ваза с графичными узорами, а в ней букет из сочных жёлтых подсолнухов и нежных полевых ромашек. Слишком живых для больницы.

Рядом — деревянный стул. На нём аккуратно висела серая футболка. Очень похожая на её — только чистая, выглаженная. С биркой. Новая.

— Пробежка... Самокатчики... Это помню. А дальше...



Она попыталась приподняться — и боль в рёбрах пронзила её так резко, что дыхание перехватило.

Справа от кровати стоял горчичный диван с персиковыми подушками. На нём — вязаный плед, чей-то ежедневник и макбук. В углу — большое передвижное зеркало.

Люстра на потолке — оранжевый диск, обрамлённый плетёными верёвками в стиле бохо. На стенах — картины и полки с цветами и книгами.

Одна картина заставила её замереть.

Такса с теннисным мячиком в зубах.

— Где Лиза?!

Паника накрыла мгновенно.

— Кто-нибудь! Где я?!

Дверь открылась. В палату вошла медсестра средних лет — по виду грузинка, но заговорила сразу на русском.

— Вы проснулись! Добрый день, моя хорошая. Пить хотите? Голова кружится?

— Как я здесь оказалась? Где моя собака? Что со мной?

— Спокойно. Вы в вип-палате. Вас вчера привёз муж.

— Какой муж?! — Ева резко повернулась и тут же зажмурилась от боли.

— Доктор придёт через пятнадцать минут. А ваш муж сейчас в коридоре, по телефону говорит. Позвать?

Ева сглотнула.

— Пожалуйста... Как вас зовут?

— Ирина. Если понадобится — нажмите кнопку.

Когда Ирина вышла, из коридора донёлся знакомый голос.  
— Том, я занят. Позже. Нет. Я не могу сейчас.

Дверь медленно открылась.

Он.

— Ну а кто ещё... — пробормотала Ева.

Хью выглядел так же аккуратно и собранно, как в кофейне. Хипстерская шапка, серьга в ухе, свободные джинсы, бежевое поло, подчёркивающее широкие плечи. Под мышкой — какие-то бумаги, в руке — стаканчик кофе.

— Привет. Ты проснулась?

— Где моя собака?

— С ней всё в порядке.

— Это не ответ.

Он вздохнул.

— Я был на пробежке. недалеко, когда услышал лай. Двое моих знакомых врезались во что-то. Когда я подбежал, ты уже уходила. Потом потеряла сознание.

— Я помню мусорный бак. Траву. А дальше пусто.

— У тебя два сломанных ребра. Одно повредило лёгкое.

— Что?

— Тебя экстренно прооперировали.

Слова упали тяжело.

— Меня... оперировали?

— Да. Доктор всё объяснит.

В дверь постучали.

В палату вошёл седой мужчина с папкой.

— Добрый день, Ева. Меня зовут Давид. Как вы себя чувствуете?

— Ничего не помню. Что со мной?

— У вас два перелома рёбер. Одно пробило лёгкое. Возник пневмоторакс. Нам пришлось провести экстренную операцию. Всё прошло успешно.

Ева побледнела.

— Это было опасно?

— Скажем так... вам повезло, что рядом оказался внимательный жених.

Пауза.

Ева медленно перевела взгляд на Хью. Он сидел, глядя в бумаги.

— Он не мой жених, — процедила она.

Доктор слегка смутился.

— Нам так сообщили при оформлении.

— В экстренной ситуации формальности ускоряют процесс, — спокойно сказал Хью, не поднимая взгляд.

Доктор продолжил:

— Самое важное то, что операция прошла успешно. Минимум неделя наблюдения. Никаких нагрузок, никаких стрессов. Особенно с такими травмами.

— Когда я могу уйти?

— Не раньше, чем убедимся, что лёгкое полностью восстановилось. И с таким заботливым мужчиной вам не о чем беспокоиться.

Доктор вышел.

Дверь закрылась.

— Жених? — тихо повторила Ева.

— Возникли вопросы, как ты получила травму. — спокойно ответил Хью. — Мне нужно было решение. Я его принял.

— Ты решил за меня.

— Я решил, чтобы ты не умерла.

Она смотрела на него долго.

— Где Лиза?

— Я нанял пэтситтера. Пока тебя оперировали, она была под присмотром. Сегодня утром залезла в фонтан за таксой. Я отправил их в лучший груминг города. Вечером её привезут сюда.

— За чей счёт банкет?

Он поднял на неё взгляд.

— За мой.

— Ты оплатил это?

— Да.

— И палату? И операцию?

— Да.

— Сколько я тебе должна?

— Ничего.

— Тогда что ты хочешь?

Он отложил бумаги. Теперь он смотрел только на неё.

— Я не спорю. Я приказываю — всем и всегда. Ты бу-

дешь находиться в этой палате столько, сколько нужно. Собаку привезут сегодня. Пэтситтер будет забирать её трижды в день. Твоя задача — выздороветь.

Ева почувствовала, как внутри всё сжимается.

— И?

Пауза.

— Ты окажешь мне одну услугу.

— Какую?

Он не отвёл взгляда.

— Мне нужен эскорт. Официальный вечер. Никаких скрытых условий. Ты подходишь идеально.

В комнате стало тихо.

— Ты оплатил мою операцию, чтобы купить меня?

— Я оплатил операцию, потому что иначе ты бы умерла.

Сейчас я предлагаю сделку.

— А если я откажусь?

— Я всё равно оплачу дальнейшее лечение. Это не шантаж.

Он встал, собирая бумаги, поднял ноутбук.

— Подробности завтра. Отдыхай.

Дверь закрылась мягко.

Ева осталась одна.

Персиковые стены больше не казались уютными. Цветы — милыми. Всё вокруг выглядело как дорогая клетка.

Она чувствовала не просто злость.

А ощущение, что её снова втянули в игру, правил которой

она не знает. И снова богатый мужчина.

# Эскорт.

На следующий день после предложения об эскорте Ева всё ещё не могла прийти в себя. Когда она позвонила Диане, своей подруге, та с типичной для себя энергией, тараторила:

— Герл, ну хочешь, я вместо тебя схожу? Потрахаться с американцем, почему бы и ДА! — кричала Диана. — Это тот, который пялился на твои ноги в кофейне?

— Типа да... Диан, ну ты меня знаешь, я его хочу просто придушить за такое неуважение!

— Я уверена, вы поладите! Я побежала на смену! Выздоравливай, сладкая! Если что, Лизу я выкраду!

— Пока, гёрл... Ева перекатилась с одного бока на другой. Всю ночь она сочиняла тираду, чтобы высказать Хью всё, что она думает о его поступках и словах. Из существенных дел - за утро она успела договориться об отпуске в кофейне и узнала имя её богатого похитителя, полное имя. Это и пугало, и удивляло. Разговор всё решит.

Палата была тихой и уютной. Персонал относился очень бережно, кондиционер работал почти бесшумно и справлялся с пеклом за окном, но тревожные мысли не отпускали.

Разговор всё решит. Эта мысль крутилась в голове, как заевшая пластинка.

Она злилась не на боль, не на больницу и даже не на самокатчиков. Она злилась на контроль, который появился в

её жизни без разрешения. На то, что кто-то решил за неё, где она будет лежать, кто будет выгуливать её собаку и сколько это всё стоит.

Ева терпеть не могла быть обязанной. Она так сильно привыкла рассчитывать только на себя. Чувства накрывали её сильнее, чем боль в рёбрах.

Дверь в палату открылась без стука. Конечно.

Хью вошёл так, будто это не больница, а его личный кабинет. Чистая рубашка, закатанные рукава, часы на запястье, кольцо на большом пальце левой руки — слишком спокойный, слишком собранный для утра после экстренного спасения незнакомой женщины и возни с её собакой. Он поставил на стол бумажный стакан с кофе и пакет.

— Ты не спишь, — констатировал он. - принес тебе кофе и круассан, которые ты любишь из кофейни. - Ты уже всё про меня знаешь, да? Ты что, сталкер?- Просто поболтал с твоими коллегами.

— Я жду, — ответила Ева. Голос был ровный, но внутри всё кипело. — Нам нужно поговорить.

Хью кивнул, будто ожидал этого, и сел на край дивана, не приближаясь к кровати. Это движение она отметила автоматически. Он держал дистанцию. Осознанно. Этим он уже отличался от того мужчины, о котором Ева старалась сейчас не думать.

— Я слушаю.

— Начнём с простого, — Ева приподнялась на подушках,



игнорируя боль. — Ты не мой муж. Не мой жених. Не мой парень. И уж точно не мой хозяин.

— С этим я не спору.

— Тогда объясни, почему ты распоряжаешься моей жизнью, как будто я подписала контракт?

Хью вздохнул, медленно, будто подбирая слова.

— Потому что, если бы я этого не сделал, ты бы сейчас лежала в обычной палате, неизвестно, что стало бы с собакой, без нормального ухода и с мыслью, что весь мир снова против тебя.- Что? С чего ты решил...- Ева, я знаю, что ты сильная женщина. Но я мог помочь и я это сделал.

— Ты не имеешь права решать, что для меня «нормально», — резко ответила Ева.

— И ты не имеешь права истекать кровью на улице, — так же спокойно парировал он.

Молчание повисло плотное, липкое. Они смотрели друг на друга, не отводя взгляда. Это была проверка границ.- Кто ты вообще?...- Меня зовут Хью Мариотт. И я не мог поступить иначе! Если у меня есть возможность помочь - я это делаю.

— Хорошо, — сказала Ева наконец. — Допустим. Ты помог. Спасибо. Теперь к главному. Что за «услуга»?

Хью слегка наклонил голову, будто оценивая, не рано ли.

— Я не люблю светские мероприятия, — начал он. — Но иногда они необходимы. Через неделю у моего отца ужин с инвесторами. Закрытый. Много разговоров, много взглядов.

Мне нужен человек рядом, который не будет молчать, улыбаться из вежливости и изображать декорацию.- У тебя что нет девушки? Или кого-то, кто умеет вести себя правильно на такого рода мероприятиях? И вообще что за необходимость брать с собой женщину как аксессуар?- Ты задаешь верные вопросы. - Хью улыбнулся уголком губ. - У меня есть девушка, но она не захотела прилететь со мной сюда. Я не хочу тебя покупать, я тебя нанимаю.

— Ты хочешь нанять меня в роли кого? — Ева усмехнулась

— В роли женщины, которая не боится быть собой. Это редкость. Ты подходишь лучше всех.

— И ты решил, что я соглашусь, потому что ты оплатил мои рёбра и собаку?

— Я решил, что ты согласишься, потому что ты ненавидишь, когда тобой пытаются управлять, — он посмотрел прямо на неё. — И именно поэтому ты сделаешь всё по своим правилам.

Он сделал паузу, потом добавил тихо, но с лёгкой иронией:

— Честно говоря... твоё поведение здесь даёт мне повод уйти с ужина пораньше. Понимаешь? С тобой проще договориться, чем уговаривать Джесс прилететь сюда на пару дней.

Ева нахмурилась. С одной стороны, это прозвучало как комплимент; с другой — как тонкая манипуляция. Её щеки слегка зажглись, но сердце билось быстрее.

— Ты плохо меня знаешь, американец.

— Возможно, — кивнул он. — Но я быстро учусь.

Она смотрела на него несколько секунд, чувствуя, как внутри борются злость, интерес и что-то ещё — неприятное своей честностью.

— Уточним, — сказала она. — Никакого интима. Никаких прикосновений без моего согласия. И если мне не понравится — я уйду. В любую минуту.

— Справедливо.

— И ещё, — добавила Ева, прищурившись. — Я должна тебе лишь один вечер!

Хью встал.

— Именно поэтому я и выбрал тебя.

Он направился к двери, но остановился.- Продикуй номер - будем на связи. Так проще.- Ок, но ты не звонишь мне по-ночам с придыханием - сязвила она, криво улыбаясь.Хью широко улыбнулся. Еве на секунду показалось, что в его глазах блеснула симпатия.Они обменялись номерами.Хью добавил

— Кстати. Лизу привезут через час. Она скучает.

— Конечно, — буркнула Ева. — Как скажете, господин...

Он усмехнулся, едва заметно, и вышел.

Ева осталась одна. Сердце билось быстрее, чем хотелось бы. Она закрыла глаза и выдохнула.

Разговор всё решил.И одновременно — всё только началось.

Лизу привезли вовремя. Медсестра поделилась с Евой, что вообще-то это запрещено, но её «жених» доплатил.

Еву кольнуло от мысли, что этот человек пытается заткнуть все дыры деньгами, но она отмахнулась, концентрируясь на планах, которые срывались из-за больницы.

Смены в кофейне урезаны — значит, нужно слепить больше керамики на продажу. Купить глину. Интересно, сможет ли она носить тяжести после выписки?

Оплатить квартиру послезавтра — придётся занять денег у Дианы.

Ева поморщилась, поворачиваясь — ноющая боль перетянула всю грудную клетку, словно тугим ремнём.

Лиза мирно спала на диване, выполняя команду «место», но время от времени приподнимала уши, будто проверяла, дышит ли хозяйка.

Ева смотрела в потолок.

Белый. Идеально ровный. Чужой.

— Я никому ничего не должна, — тихо сказала она в пустоту.

Но это было не совсем правдой.

Деньги на операцию. Палата. Пэтситтер. Груминг. Лекарства. Она не знала точную сумму, но понимала — это не «спасибо» и не «жест доброй воли». Это целая система заботы, построенная без её согласия.

Её раздражало не то, что он заплатил.

Её раздражало, что он может.

Она привыкла выживать сама. Привыкла рассчитывать только на себя. Привыкла падать — и вставать без свидетелей.

А теперь кто-то видел её без сознания. Кто-то держал её на руках. Кто-то принимал решения.

Под кожей шевельнулось неприятное чувство — не благодарность. Не злость.

Зависимость.

Ева резко перевела взгляд на Лизу.

— Даже не думай привыкать к нему, ясно?

Лиза приоткрыла один глаз, тяжело вздохнула и снова уложила морду на лапы.

За дверью в коридоре раздались чьи-то шаги. Тихо работал кондиционер.

— Ладно, Мариотт, — пробормотала она. — Посмотрим, кто кого нанимает.

Сердце билось быстрее, чем хотелось бы. Ева закрыла глаза и выдохнула.

Разговор всё решил. И одновременно — всё только началось.

# Джесс и Брендон.

Хью не часто заходил в соцсети, а в Батуми работа отняла всё свободное время, но сегодня был особенный день. Он сдал самый важный документ по объекту. Сначала он написал Еве. "Как самочувствие?" "Так же как вчера"

Не дозвонившись до своей девушки, Джесс, Хью зашёл на её профиль. Он ощущал, как напряжение внутри растёт с каждой новой сторис.

Джесс сейчас была в Нью-Йорке. На экране: яркие коктейли, смех, белые зубы, загорелые ноги и подпись: «Никаких скучных будней, жизнь одна! Пошли все нахрен».

Он пролистнул дальше.

Фото с яхты. Рука незнакомца на её талии. Видео, где она смеётся слишком громко, запрокидывая голову, так, чтобы свет поймал ключицы. Подпись: «Если мужчина не делает тебя счастливой — делай это сама».

Хью закрыл глаза на секунду. Это было не про веселье. Это было про демонстрацию.

Их родители дружили. Хью и Джесс пересекались с детства, но начали встречаться 3 года назад. Всё было удобно. Правильно. Статусно. Джесс всегда жила как на сцене. Даже в детстве — банты, идеальные платья, правильная улыбка на семейных ужинах.

Он не помнил, когда в этих отношениях появилась лю-

бовь. Но точно помнил, когда появилась усталость.

Она требовала реакции. Немедленной. Громкой. С доказательствами.

Если он не отвечал — значит, игнорировал. Если работал — значит, избегал. Если молчал — значит, скрывал.

И каждый её скандал заканчивался одинаково:— Ты меня не ценишь.— Ты холодный.— Ты не хочешь проводить со мной время.

И он терпел.

Потому что так было правильно. Потому что так было принято. Потому что они — «идеальная пара».

Но сейчас, глядя на её сторис, он вдруг понял простую вещь:

Он больше не ревнует.

Ему не больно.

Ему... спокойно.

И это напугало сильнее всего.

Он вспомнил их последний разговор в аэропорту.

VIP-зал был почти пустым. За панорамными окнами медленно двигались самолёты, официант тихо расставлял воду на столах.

Чуть в стороне, через стол, сидел Том — его помощник и человек, который работал с ним уже много лет. Том просматривал документы, делая вид, что полностью погружён в бумаги, но слышал каждое слово. Он слишком хорошо знал этот сценарий.

— Я никуда с тобой не полечу! Особенно на какой-то богом забытый курорт! — резко заговорила Джесс.

— Что? Почему? Мы же обо всём договорились, милая, — Хью, ковырялся в бумагах, а Джесс стояла над ним — высокая, на длинных шпильках, раздражённая.

— Я решила сейчас и окончательно! И ты тоже никуда не полетишь! Ты должен сказать Брэндону, что отказываешься выполнять это поручение! Это унижительная работа! — скривила ротик Джесс.

— Об этом нет речи. Отец доверил мне важное дело, и я собираюсь его выполнить! — отрезал Хью, понимая, что сейчас у Джесс начнётся истерика.

Так и случилось.

Крича проклятия, она швырнула в него сумку, вылила апельсиновый сок на его рубашку и вlepила звонкую пощёчину.

Звук удара разнёсся по залу.

Несколько человек обернулись.

Том медленно закрыл папку. Его взгляд стал холодным и внимательным. Он не встал. Не вмешался. Но в его молчании было больше поддержки, чем в любом слове.

Это было их негласное правило: личное — не обсуждается на людях.

Джесс подняла сумку с пола и походкой от бедра вышла из VIP-зоны, обещая, что он никогда её больше не увидит.

Повисла пауза.



— Посадка через двадцать минут, — ровно сказал Том, будто ничего не произошло.

Хью спокойно встал, положил бумаги и, не обращая внимания на взгляды со всех сторон, направился в уборную. Переодевшись, он посмотрел на себя в зеркало.

— В одном она права, — сказал он себе. — Это чертовски унижительная работа — терпеть такое отношение к себе, даже если я люблю эту женщину.

Когда он вернулся, Том уже снова работал с документами. Рядом сутились два уборщика.

— Всё документы, необходимые для отеля Мариотт — целы, — сказал Том, не поднимая глаз.

Ни одного вопроса.

Ни одного сочувственного взгляда.

Только присутствие.

И именно тогда Хью впервые почувствовал не стыд — а усталость.

Сейчас, сидя в своих апартаментах на тринадцатом этаже, он смотрел на календарь — завтра осмотр стройки, через несколько дней встреча отца в аэропорту, ужин с инвесторами, отчёты, тренировки — и понимал: он не может больше быть удобным.

Он набрал Джесс.

— Нам нужно поговорить.

— Опять? Я отдыхаю, а ты мне не нужен! — в трубке звучал смех подруг и звон бокалов.

— Я не могу больше выносить твои сцены. Пауза в отношениях. Пока я не вернусь.

— Ты с ума сошёл?!

— Нет. Это единственный способ не сгореть друг на друге. Я работаю. Ты живёшь своей жизнью. Всё.

Он повесил трубку.

Внутри не было злости.

Была усталость человека, который слишком долго пытался соответствовать.

Через минуту пришло уведомление: "Мне не нужен такой мужчина! Всё кончено!" Хью попробовал позвонить, но Джесс уже заблокировала его.

Он смотрел на экран несколько секунд.

И впервые почувствовал облегчение.

---

Когда Еву выписали через четыре дня, Хью настоял, что поможет ей и Лизе добраться домой. Ева не смогла придумать вескую причину для отказа.

Он помог ей подняться на третий этаж — лифтом она пользоваться принципиально не хотела.

— Спасибо. На связи, — буркнула Ева, запуская Лизу в квартиру и заходя внутрь.

— Не угостишь чаем?

— С чего бы это? Я сказала «пока».

Дверь захлопнулась перед его носом.

— Горячая феминистка, — пробормотал Хью, невольно

улыбнувшись.

Потом резко осёкся.

Он вдруг понял, что улыбается искренне.

И это было новым ощущением.

---

Неделя прошла так, будто Батуми решил доказать Хью, что время здесь течёт иначе — быстрее, плотнее, без права на раскачку.

Отец Хью, Брендон, прилетел ранним утренним рейсом. Хью встретил его в аэропорту. Он увидел отца издали — высокий седой мужчина с четкими чертами лица и строгим взглядом. Брендон был одет в легкую рубашку и светлые джинсы, будто он приехал в отпуск, а не проверять, как его сын готовит многомиллионный проект.

— Выглядишь уставшим, — сказал он.

— Работа. Июль. — коротко отозвался Хью, перехватывая чемодан из руки отца. Ехали молча. Между ними всегда была дистанция, но последние несколько лет — она лишь усилилась.

На объекте отец долго молчал, просматривал документы, задавал точные вопросы.

— Ты хорошо поработал. Лучше, чем я ожидал.

Хью тихо выдохнул. Они шли к машине неспеша.

— Только одно но, — добавил отец. — В новостях твоей личной жизни я не рад. Джесс усложняет ситуацию. — Мы расстались. Точнее, она меня бросила — Хью сам удивился,

как спокойно он это сказал.- Может, отойдёт? - голос Брэндона стал мягче - Ты же её знаешь, сын.- Вот в этом то и дело, пап. Джесс в прошлом.Брэндон устало покачал головой.- Я всё понимаю. Вы с мамой давно планируете нашу свадьбу, вы хотите чтобы я был счастлив, но я решил, что это - к лучшему. - спокойно продолжил Хью.

— На гала-ужине будешь один?

— Нет. У меня есть подруга, которой ты удивишься.

Отец посмотрел на него внимательно и кивнул.

---

За Евой Хью ехал уже без навигатора. Маршрут стал знакомым.

Она открыла дверь сразу.

На ней было чёрное платье простой формы, почти аскетичное, с открытой линией плеч и спины на корсете, который она намеренно не затянула до удушья. Длина — по колено, открывая упругие икры и туфли на маленьком каблуке. Платье и туфли Хью прислал накануне, заранее спросив желаемый цвет и размер. На ней не было украшений, кроме тонкого серебряного кольца и часов. Волосы собраны небрежно — не для сцены, а для себя.

Ева нормально относилась к косметике и пользовалась ей, когда было хорошее настроение. Хью повезло — сегодня настроение у неё было отличное. Макияж лёгкий и сияющий: нюдовые тени, тушь, блеск на губах.

Хью на секунду поймал себя на мысли, что любит её.

Ева выглядела иначе — уже без больничной хрупкости, но ещё не до конца восстановившаяся. Он заметил, что веснушки на бледных щеках выделялись сильнее. Но, не смотря на это она выглядела естественно и свежо.

Хью был в тёмно-синих классических брюках и голубой рубашке, расстёгнутой на одну пуговицу. Та же серьга в ухе и кольцо на левой руке.- Проходи, мне нужно 2 минуты - Ева прошла внутрь квартиры, по пути пиная кроссовок на полу, который Лиза любила грызть.

Хью зашёл внутрь и впервые позволил себе оглядеться.

Квартира была небольшой, но живой.

Стол в пятнах от краски. Грязные кисти в раковине, а рядом - небольшая картина, на которой была изображена Лиза в фонтане. Лиза подбежала к Хью и дружелюбно уткнулась носом в колено. Он погладил её морду и продолжил осматриваться. Гирлянды на гардинах. Растения, которым явно уделяли больше внимания, чем гостям. Плед, брошенный на диван так, будто он всегда лежал именно там.

Никакого показного уюта. Никакой попытки произвести впечатление.

Это пространство не просило одобрения.

Оно просто было.

И в этом было что-то тревожно-притягательное.

— Лизу я не беру, — сказала Ева, выходя из ванной, застёгивая серьги.

— Жаль. Она мне понравилась.

— Не привыкай, — бросила она.

Он уловил смысл фразы.

Она говорила не только про собаку.

Ева подошла к зеркалу, поправила волосы. В отражении её квартира казалась продолжением её самой — неровная, тёплая, честная.

— Напомни, — сказала она, не оборачиваясь, — мы играем пару. Но это игра.

— Да.

— И ты не будешь мной управлять.

— Не буду.

Она повернулась и посмотрела на него пристально.

— Даже если я скажу что-то неудобное.

Он чуть улыбнулся.

— Особенно если скажешь что-то неудобное.

На секунду повисла тишина.

С кухни тянуло кофе. С балкона — солёным воздухом.

Хью вдруг ясно понял разницу.

С Джесс всё было правильно. Как нужно в обществе.

С Евой — было живо.

И именно это делало всё опасным.

— Поехали, — сказала Ева.

И, выходя из квартиры, она не оглянулась.

А он — оглянулся.

Потому что понял: в этой маленькой студии он увидел больше честности, чем за последние несколько лет своей

жизни.

И ужин отца теперь казался не просто светским мероприятием.

А началом чего-то, что может разрушить привычный порядок.

# Неудобная.

Когда машина плавно остановилась у главного входа, швейцар уже открыл дверь. Свет от фасада ложился на чёрный лак кузова и на стеклянные панели, в которых отражались вечерний Батуми.

Хью вышел первым и обошёл машину.

Ева открыла дверь сама.

Каблук коснулся асфальта, она выпрямилась — и в этот момент парковщик поднял на неё взгляд.

Он замер.

— Ева? — удивление быстро сменилось усмешкой. — Ты вернулась в высшее общество?

Она остановилась. Узнала его сразу.

— Надеюсь, что нет, Нико — спокойно ответила она.

Парковщик тихо хмыкнул, принимая ключи у Хью.

— Рад видеть живой.

— Взаимно.

Ева уже сделала шаг к входу, но Хью задержался на секунду, глядя на них двоих. В этом коротком обмене было больше истории, чем в любом светском приветствии.

Когда они пошли к дверям отеля, он тихо спросил:

— Что это значит?

— Что именно?

— «Вернулась в высшее общество». "Рад видеть живой".



Ева не посмотрела на него.

— Это не твоё дело.

Тон был не резкий. Просто закрытый.

Хью ничего не ответил, но запомнил.

Современный отель на первой линии выглядел так, будто его строили не для людей, а для денег.

Стекло, мрамор, приглушённый свет, тихая классическая музыка в огромном холле с подвесными яркими люстрами — казалось, каждая фраза звучала чуть громче, чем хотелось бы. Здесь не повышали голос — здесь демонстрировали статус.

Сквозь панорамные окна было видно чёрное море, подсвеченное огнями набережной. Официанты двигались почти бесшумно, как часть интерьера. Лёд в бокалах звенел деликатно, будто даже он знал правила приличия.

Ева вошла в зал рядом с Хью, чувствуя на себе взгляды.

— Ты выглядишь так, будто тебе здесь не место, — тихо сказал он — Они все как пластиковые по сравнению с тобой. — Значит, я идеально вписываюсь, — ответила Ева, вежливо улыбнувшись. Хью выглядел спокойнее, чем должен был. И это сразу бросалось в глаза.

В зале пахло вином и дорогими духами. Инвесторы стояли группами, улыбались, оценивали друг друга так же внимательно, как и проекты. Несколько лиц Ева узнала сразу — клиенты кофейни. Те, кто утром говорил о погоде и овсяном молоке, а вечером обсуждал миллионы. Были тут и те, кого

она знала ещё дольше.

Гала-ужин оказался именно тем, чем должен был быть: свет, бокалы, дорогие костюмы и разговоры, в которых каждый знал цену паузе.

Ева шла рядом с Хью уверенно. Не цепляясь. Не демонстрируя принадлежность. И это сразу работало. Через несколько минут они уже оказались окружены несколькими мужчинами.

Она говорила с инвесторами спокойно, без кокетства, без оправданий. Когда один из мужчин попытался пошутить о «сильной женщине рядом с успешным мужчиной», она улыбнулась:

— Я здесь не рядом. Я здесь сама.

Хью рассмеялся первым. За ним — остальные. Напряжение рассыпалось, как стекло. К ним подошел высокий седой мужчина. Ева сразу поняла, что это отец Хью, те же глаза, та же осанка, даже голос похож. — Брендон, — протянул он руку Еве, говоря на английском. — Ева.

Брендон присоединился к беседе, а позже отвёл Хью чуть в сторону.

— Ты держишься иначе, — сказал он негромко. — Без лишней демонстрации.

— Это плохо? — спокойно спросил Хью.

Отец посмотрел на него внимательно.

— Это взрослее. Пауза. — Это тебя усиливает, а не ослабляет.

Слова отца прозвучали почти как редкая похвала.

— Кто она? — тихо спросил отец, наблюдая за Евой из-под бокала. — Та, кто не притворяется, — ответил Хью.

— Она тебе подходит, — добавил он. — Жаль, что не вовремя. Джесс там истерит. Снова.

— Иногда «не вовремя» — единственное честное время, но, пап, не ищи мне новую невесту, я же просил. — ответил Хью.

Отец кивнул.

Ева отошла от компании, слегка расправляя плечи и выдыхая. Она подошла к бару.

Пространство рядом с ней занял мужчина.

Он был высоким — чуть выше Хью. Широкие плечи, плотная фигура, движения развязные.

Лицо было типично грузинским — резкое, выразительное.

Чёткая линия скул. Нос с лёгкой горбинкой. Тёмные густые брови, под которыми прятались почти чёрные глаза. Эти глаза могли быть очень тёплыми, когда он улыбался — и абсолютно холодными, когда переставал играть роль.

Кожа смуглая, с лёгким загаром человека, который много времени проводит на море и ещё больше — на террасах дорогих ресторанов.

Волосы тёмные, почти чёрные, густые, немного волнистые. Обычно уложенные назад дорогим гелем, но к вечеру выбивающиеся из аккуратной формы.

Он носил лёгкую щетину — небрежную ровно настолько, чтобы выглядеть небрежно дорогим.

Он был тем типом мужчин, на которых люди сначала смотрят с уважением, а потом начинают чувствовать лёгкое беспокойство.

Идеально сидящий костюм. Рубашка с расстёгнутыми верхними пуговицами. Тяжёлые часы. Всё выглядело так, будто он не старается впечатлить, но всё равно привлекает внимание.

В нём было то обаяние, которое сначала кажется харизмой.

Потом — властью.

А потом люди начинают понимать, что это **опасность**.

Он привык, что на него смотрят.

И привык, что ему не говорят «нет».

Часть её прошлого, которое она давно закрыла.

— Ева, дорогая, как неожиданно встретить тебя здесь, — сказал он. — Ты всегда выбирала места попроще. А в похожих мероприятиях ты была всегда со мной. Он явно на что-то намекал. К сожалению, Ева прекрасна знала, на что именно. — Это место тоже простое. Например, тебя, Алекс, я вижу насквозь — Он смотрел на неё улыбаясь — Я предполагала, что ты тоже тут будешь, но такие намёки — дешёвые. — А с кем ты здесь?

— Не твоё дело. Я произношу сегодня это слишком часто.

— ответила Ева спокойно.

— Нам нужно поговорить, — Алекс наклонился ближе.  
— У нас остались незакрытые темы.

— Нет, — сказала она, глядя прямо в глаза. — Не нужно.  
Алекс взял её за кисть.

— Не трогай меня, — резко бросила Ева. Хью подошел к ним быстро и уверенно. — Что здесь происходит?

Вместо сцены Ева спокойно шагнула к Хью и обняла его за талию — без демонстрации, без игры. Уверенно.

— Познакомься с моим... другом. Хью почувствовал, что Ева дрожит. Ум человека, погруженного в постоянный анализ и аналитику бизнеса, быстро считал, что причиной дрожи Евы не может быть холод, он опустил голову и встретился с её глазами. Зрачки расширены, щеки слегка заметно побледнели. Эта маленькая рыжая феминистка ни за что не приобняла бы его без веской причины. Она...боится! Хью еле заметно подмигнул Еве и приобнял её за плечо. Достаточно мягко, чтобы ей было комфортно. Но этот жест, казалось, её немного успокоил. "Интересно, упрямая женщина боится этого парня. Чувак, ты должен узнать её секрет" - промелькнуло в голове Хью. Он поднял голову и встретился с темными глазами незнакомца.

Алекс задержал взгляд на руке Хью, лежащей на веснушчатом плече Евы, затем протянул свою руку.

— Алекс.

— Хьюстон Мариотт, — ответил он спокойно. — Нам пора. Но мы ещё...

— Ещё увидимся, — ухмыльнулся Алекс и отступил.

Они отошли на безопасное расстояние молча. Ева аккуратно выскользнула из объятия Хью, стараясь не двигаться резко и не тревожить швы на ребрах. Хью молча опустил руку.

— Ты не спросишь, что он от меня хотел? — заметила Ева. — Я видел, как ты сказала «нет», — ответил Хью, стараясь не выдать зародившееся любопытство. — Остальное не важно. — Быстро учишься. — Да. Одного "не твоё дело" хватило. — Жаль, что не со всеми работает...

Хью подвёл Еву к двум супружеским парам. Они говорили по-английски. В глазах Евы промелькнула скука. Когда ей задали вопрос, она ответила на английском:

— I'm like my dog Liza — I understand everything, but I can't say much.

Компания разразилась смехом и мгновенно перешла на русский. Оказалось, что они свободно говорили на трёх языках. Они вместе строили сеть гостиниц в Грузии, а семья Хью выступала инвесторами. Сначала разговор был деловым, затем приобрёл непринуждённый тон.

— Ева, вы очаровательны, — сказала высокая дама в изумрудном платье. — Вы с Хью отличная пара.

— Благодарю за комплимент, но я бы предпочла быть отдельно отличным человеком. Для этого не обязательно идти в пару к мужчине.

— Но вы здесь не одна.

— Да. Но я всё равно личность.

Женщина улыбнулась. Уже без иронии.

Позже у бара мужчина откровенно рассматривал декольте Евы.

— Я полгода не была на светских мероприятиях и успела отвыкнуть от таких взглядов, — сказала Ева достаточно громко, чтобы он услышал.

Мужчина поднял глаза.

— Да-да, я здесь... - Вы прекрасны. Вы одна?

— Нет, со спутником. А что это меняет?

— Дама занята.

— Будь я свободна — то что?

— Я бы вас украл. - Мужчина явно не стеснялся своих желаний и был полон самоуверенности. Он потянул руку к её колену.

— Осторожно. У меня есть зубы, — тихо прорычала Ева и намеренно задела свой бокал, шампанское пролилось на его светлые брюки, а бокал гулко звякнул об барную стойку и разбился вдребезги на дорогой плитке. Мужчина замешкался. Подбежал официант. - Я такая неуклюжая. - Улыбнулась Ева, а затем добавила. - Но неуклюжесть не так страшна, как животная похоть.

Она встала с барного стула и прошла вглубь зала кошачьей походкой, зная, что он смотрит.

Улизнув от любопытных взглядов, Ева стояла у окна, смотрела на ночной Батуми и крутила новый бокал в руке.

Музыка стала тише, разговоры — гуще. Вечер перешёл в стадию усталой откровенности.

Внезапно её качнуло от толчка. Официант споткнулся и задел её подносом.

Боль вспыхнула мгновенно. Ева пискнула, но удержалась на ногах.

— Простите... я не хотел... вы в порядке?

Ева чувствовала яркий приступ боли в рёбрах, зажмурилась.

— Всё нормально, — сказала она сдавленным голосом, не желая для молодого парнишки проблем.

К ней подошёл невысокий блондин с голубыми глазами, одетый просто и со вкусом.

— Вам бы присесть, — он взял её за локоть.

Ева резко выхватила руку.

— Да что ж такое сегодня? Всем нужно меня трогать?

— У вас кровь... — мужчина отступил, давая ей пространство.

— Что такое, Том? - Хью уже стоял рядом с Евой, послушавшись её локтя.

— Девушку толкнул официант. Рана открылась.

Хью увидел влажное пятно на темной ткани, которое было заметно только вблизи.

— Нужно проверить повязку, похоже, что кровит, — сказал он коротко. Потом повернулся к Тому: — Предупреди отца.



Том кивнул и пошел в гущу богато одетых людей.

Хью вывел Еву из зала, не объясняясь и ни с кем не прощаясь.

— Кто этот Том? — спросила Ева.

— Он работает со мной.

— Чёртов официант...

Она шла, сжимая рёбра ладонью, будто это могло помочь.

Они двигались быстро. Хью поддерживал её за плечи, и она не сопротивлялась.

— Голова кружится.

— Сейчас... вот машина.

Колени Евы подкосились. Хью мгновенно подхватил её и донёс до машины.

— Ева, не вырубайся.

Она кивнула, откидывая голову на сиденье.

Он достал из багажника бутылку воды.

— Держись. Сейчас отвезу тебя домой, снимем повязку. Я сфотографирую швы и отправлю врачу.

— Ты привык всё контролировать, — сказала она медленно.

— Я учусь не контролировать людей, — ответил он тихо.

— Только ситуации.

Это прозвучало не как оправдание. А как признание.

## Вечер открытий.

Батуми был маленьким городом, а Хью водил отлично, поэтому добрались до дома они за 5 минут. Ева дала себе поможь выйти из машины. У лифта она немного хмурилась и ворчала, но согласилась подняться на лифте, а не по лестнице. "Что за принцип ходить пешком даже в таком состоянии? Подумаешь, лифт" - второпях подумал Хью. В квартире было тепло, но не душно. Дверь на балкон была так же открыта. Лиза, которую петситтер выгулял и покормил несколько часов назад, вышла с балкона, потягивая лапы. Увидев Лизу, у Евы будто появились силы.

- Девочка, ты спала свою норму часов пока мы скучали среди мэнов-толстосумов? - растаяла в улыбке Ева, отпустив плечо Хью, на которое опиралась, она медленно прошла к кровати и аккуратно присела, Лиза запрыгнула к ней.- Давай, я посмотрю, что со швами, доктор говорил, что нужно быть осторожной - сказал Хью- Всё хорошо, не беспокойся, можешь ехать. Спасибо за вечер и не сердись, если мои фем речи кого-то задели - устало улыбнулась Ева. Она говорила тише, чем обычно. Хью на секунду показалось, что она бледнеет.- Я настаиваю. Не хочу снова везти тебя в больницу или ждать скорую и терпеть недовольный лай Лизы, она же как будто в кромкоговоритель это делает!- Да, Лиза громкая, и это её единственный минус. Ну еще и таксы... - Лиза подняла

морду как будто заинтересовалась, но потом зевнула, прыгнула с кровати и вернулась на балкон, шаркая лапами.

- Надо проверить рану, чем быстрее, тем лучше.- Появляешь заботу или контролируешь?- Просто у меня четко выстроенный рабочий график.- Даа, ты прав, надо проверить. - пробормотала Ева себе под нос - Расстегни, пожалуйста, я переоденусь - она встала и повернулась к нему спиной. Хью помог расшнуровать корсет, пока Ева придерживала платье рукой и открыл рот чтобы сказать "готово", но не успел. Ева подняла руки, собирая растрёпанные медовые кудри, а чёрная сатиновая ткань поползла вниз по изгибам совершенно голого тела. Сначала открылись лопатки, усыпанные веснушками разных размеров и форм, в тёплом освещении веднелись очертания тату вдоль позвоночника, ряд иероглифов или рисунков, они начинались на шее, настолько тонкая работа, что не бросается в глаза. Хью скользнул взглядом вниз, справа на рёбрах, где были швы, повязка была пропитана кровью, последний иероглиф заканчивался на копчике, а дальше - ошеломительный вид, шикарные упругие ягодицы, на которых не было трусиков. Платье бесшумно упало вниз. Этот жест был не наигранным, не кошачим, не соблазнительным. Казалось, Ева забыла о присутствии почти незнакомого мужчины в её квартире. Она, не оборачиваясь, легко перешагнула лежащее на полу платье и зашла в ванную, на ходу скручивая волосы в тугой пучок. Хью стоял как вкопанный и таращился в пол, разглядывая плетёный ко-

вёр и не понимал, что именно его так ошарашило. Он видел голых женщин, точно видел. Но внутри происходило странное. А ещё Ева уже слишком много раз легко соглашается на его предложения. "Может, она и не такая ярая воительница за свою независимость?.. Стоп! А мне какое дело?!" Мысли Хью оборвались, когда Ева вышла из ванной. Она переоделась в широкую футболку и пижамные мягкие шорты, с принтом хинкалей. "Этот наряд не для секса." Подумал Хью. И почему-то от этого стало только сложнее. Ева достала всё необходимое для перевязки, и спокойно легла на кровать, подняв футболку на нужную высоту, аккуратно прикрывая грудь. Она не задавала вопросов, знает ли он, как обрабатывать швы, почему то в воздухе повисла атмосфера доверия. Ева почему-то знала, что Хью справится, а Хью знал, что не нужно убеждать Еву в своих знаниях и опыте. Он молча начал снимать старую повязку.

Его пальцы были тёплыми. Слишком внимательными.

Было видно, что кровь запеклась и Еве явно было больно, но она не произнесла ни звука, лежала с закрытыми глазами. Швы были целы, лишь немного выделилась кровь от столкновения с официантом, Хью сфотографировал рану и сразу отправил доктору, чтобы убедиться, что он ничего не пропустил. Пока он ждал сообщение, Хью заметил, что Ева сжимала кулаки так, что костяшки побелели. "Больно, но молчит." - Доктор пишет, что не страшно. Хью начал заклеивать рану новыми пластырями. Не спеша, сосредоточенно,

будто любое лишнее движение могло нарушить хрупкое равновесие между ними. Закончив, он отодвинулся, давая понять, что Ева может опустить футболку.

— Ты всегда так... осторожен? — спросила она, не глядя. — Только с тем, что может быть важным, — ответил он, обрабатывая руки.

Они молчали. В этом молчании было больше, чем в любом флирте на гала-ужине для дела. — У тебя много планов на сегодня? — неожиданно спросила ева, приподнявшись на локте. — Парочка, а что? — Хью потянулся за телефоном проверить почту. — Скачала игру на приставку, ждала релиза полгода, а она оказалась парной. Хью на секунду задержал взгляд на экране телефона, будто проверяя не уведомления, а собственную выдержку.

— Парная, — повторил Хью, кивая больше себе, чем ей. — Значит, придётся договариваться.

— Просто два игрока. Без спасения мира, — пауза, — хотя, возможно, с руганью — сказала Ева. — Так что, останешься поиграть? Он убрал телефон на тумбочку и сел на край кровати, сохраняя аккуратную дистанцию. Слишком аккуратную. — Я могу остаться ненадолго, — сказал он так, будто обсуждал перенос встречи. — Если тебе не будет дискомфортно. Ева тихо усмехнулась и легла обратно, закинув руку за голову. — Хью, если бы мне было дискомфортно, я бы уже выгнала тебя. Я в этом хороша. — Я верю — задумчиво протянул Хью. Лиза вернулась с балкона, посмотрела на них

с выражением старшей женщины, видевшей многое, и улеглась у изножья кровати, тяжело вздохнув.

— Ты странный, — сказала Ева внезапно. — В хорошем смысле. Ты не лезешь. Но и не исчезаешь.

— Это называется самоконтроль, — автоматически ответил он.

— Нет, — она покачала головой. — Самоконтроль — это когда хочешь и подавляешь. А ты... выбираешь.

Он посмотрел на неё внимательнее. Лицо всё ещё было бледным, но глаза — живые. Очень. В них читался интерес.

— Ты сейчас смотришь так, будто пытаешься решить уравнение, — сказала Ева, не отводя взгляда. — И оно тебе не нравится.

Хью выдохнул. Медленно. Он понял, что дальше отмалчиваться будет нечестно.

— Я пытаюсь не делать вид, что ничего не происходит, — сказал он. — И одновременно не делать шаг, который ты не просила.

— Это и есть самоконтроль? — спокойно уточнила она.

— Нет, — он покачал головой. — Самоконтроль — это когда я говорю себе «нельзя» и стискиваю зубы. А сейчас я просто... останавливаюсь там, где заканчивается ясность.

Ева медленно перевернулась на бок, оперевшись на локоть. Между ними всё ещё было расстояние, но теперь оно ощущалось иначе — не как защита, а как тема разговора.

— Тогда скажи прямо, — сказала она без нажима. — Че-

го ты хочешь? - Тебя. - Хью смотрел ей прямо в глаза. - У тебя есть девушка - нахмурилась Ева. - Не уверен, что хочу полностью раскрывать сегодня душу... - Я тоже не хочу знать твои секреты и психотравмы - улыбнулась Ева - и свои не буду раскрывать, вопрос в другом. - Помнишь, я говорил, что Джесс не приехала на Гала-ужин? - Хью встал и начал ходить по комнате. - Да, поэтому ты позвал меня - выражение лица Евы оставалось хмурым. - Джесс любит такие встречи, но не любит когда я работаю. Поэтому она выбрала остаться в Нью-Йорке и зависать с подругами, я застрял здесь на месяц, потому что работа очень важна для меня. Не из-за самих денег, я хочу достичь чего-то большего... - Хью осёкся, понимая, что говорит лишнее. - Ты имеешь право на самореализацию, как любой человек. Это её выбор. Но при чём тут я? - Ева уже не хмурилась. В её глазах появилось любопытство. - Я устал от экспрессивности Джесс, от скандалов, от ссор по пустякам. Недавно я сказал ей, что хочу взять паузу. Я не чувствую того, что было между мной и Джесс раньше. Она првала со мной. А что касается твоего вопроса - ты очень красива и сексуальна. - он сел на край кровати и сказал это смотря прямо на Еву, без стеснения и заигрывания. - Ну, это твоё решение и отношения и я в них не лезу. - спокойно сказала Ева, она лежала расслабленно и смотрела в потолок. - Если вы расстались - это всё меняет. Какая бы Джесс не была - я никогда не пойду против другой женщины. - Моя очередь задавать вопросы - Хью не понимал до конца почему, но он

очень хотел знать, что чувствует к нему такая женщина как Ева- ты хочешь меня?

Ева встала с кровати, прошлёпала босыми ногами к раковине, набрала воды и вернулась со стаканом на кровать. Она сидела прямо и выглядела задумчиво. Затем начала говорить.- Да, физически меня к тебе влечёт. Ты безумно красивый мужчина, высокий и сильный, судя по фигуре.НОЯ не хочу вступать ни в какие близкие отношения, тем более с мужчиной, который может уехать в любой момент. Я не буду говорить почему и рассказывать подробности своего прошлого. Прими это как оксиому.- После разговора с Алексом я понял, что ты не хочешь обсуждать прошлое.— Я быт точно хотела секс без обязательств, без попыток владеть, но способен ли ты на это?- Что же нам с этим всем делать? - бизнесовая жилка Хью не унималась даже сейчас.- Давай просто поиграем в настолку - пожала Ева плечами. Она снова сползла с кровати, но уже чтобы включить приставку и подключить провода. Напротив кровати висел огромный телевизор. Он загорелся ярким светом.Пока Ева возилась с техникой, Хью заказал еду в доставке, он подумал, что им обоим не мешает подкрепиться. Он заказал несколько видов еды из разных ресторанов.- Я сделаю чай? Какой хочешь? - предложил он.- Да, там на кухне есть всё, что нужно. Мне можно любой - отмахнулась ЕваХью поставил чайник и открыл дверцу шкафа в поисках чая. С полки на него смотрели 8 банок, на них было написано от руки "чай с бергамотом", "ро-



машка", "шу пуэр", "зелёный". Хью не стал читать все, взял свой любимый гречишный и начал искать кружки.- Прозвучит тупо, как будто я бытовой инвалид, но я не могу найти чашки. - усмехнулся Хью через пару минут поисков. Ева уже подготовила приставку и подошла помочь с чаем. Видно было, что ей не терпелось начать играть.- Я не сомневалась, что ты не справишься - тепло улыбнулась она - Посмотри направо и выбери. Хью повернул голову, Справа стоял деревянный стеллаж высотой с его рост, на котором стояло более 100 чашек разных размеров и форм, он тоже был подсвечен жёлтой гирляндой и Хью удивился, как он не заметил его до сих пор.- Так любишь чай?- Люблю керамику - улыбнулась Ева - все чашки сделаны вот этими руками - она покрутила кистями, изображая какой-то причудливый танец.- Я могу выбрать любую?- Ага - Ева достала из шкафа конфеты, потом подошла к шкафу с чашками и взяла самую яркую, голубую кружку с розовыми полосками. Хью сразу вспомнил, как малиновые лучи закатного солнца отражаются в море каждый вечер. Именно этим ему нравится Батуми. Хью скользил взглядом по полкам, тут были крошки-пиалы для чайных церемоний, большие высокие кружки для любителей пить литр какао под длинное кино, обычные стандартные формы и цвета и такие, которые он не смог бы представить. Наконец, он выбрал. Низкая широкая пиала изумрудного цвета с необычной акварелью, которая стекала неравномерно, внизу у основания на кружке были нацарапаны вертикальные

линии, которые в руке были очень приятные наощупь, пиала была блестящей и гладкой сверху, а низ и дно оставались шершавыми и матовыми.- Ой, я сделала её совсем недавно, как раз незадолго до того, как ты пришел и пиялился на меня в кофейне.- Я не пиялился! Просто задумался...- Да ладно, Хью, не отмазывайся. Иди уже играть! Они уселись на пол, подстелив плед и облокотились на кровать спиной, чай и конфеты стояли прямо на полу. Когда они разбрались в игре и сыграли пару минут, у Хью зазвонил телефон.- Только не гооври, что тебе нужно идти! - вскочила Ева на ноги- На минуту. Курьер - Хью вышел из квартиры- Что за... - пробурчала Ева, идя на балкон. Внизу стоял курьер и держал 2 огромных пакета.

Через пару минут Хью вернулся в квартиру. Запахи выдали содержимое пакетов раньше, чем он успел поставить их на стол.

— Ты серьёзно? Мы что, собираемся кормить роту?

— Я не знал, что именно ты любишь, — пожал он плечами. — Поэтому решил действовать методом диверсификации рисков.

Она рассмеялась.— Какой же ты странный.- Ты же имела ввиду умный, да?

Они разложили еду прямо на полу. Контейнеры встали неровным полукругом: хачапури, салат с креветками, какие-то роллы, суп в плотной коробке, соусы, бургеры. Всё выглядело слишком дорого и слишком уютно одновременно.

Ева села, поджав под себя ноги, осторожно, чтобы не за-

деть бок. Хью автоматически сел чуть в стороне, оставляя пространство. Он даже мысленно поставил себе галочку: *не лезь*.

— Ты правда всегда так заказываешь? — спросила она, открывая коробку с хачапури.

— Когда не знаю человека — да, — ответил он. — Еда — это язык. Я предпочитаю не навязывать диалект.

— Звучит почти романтично, — усмехнулась Ева. — Но я не буду это интерпретировать.

— Спасибо, — кивнул Хью. — Я тоже стараюсь.

Они ели молча несколько минут. И это молчание было правильным: без попыток заполнить, без напряжения. Лиза подошла, понюхала воздух, получила кусочек сыра и с достоинством удалилась.

Они вернулись к игре. Экран снова залил комнату цветом, звуки стали громче, пальцы привыкли к кнопкам. Иногда их плечи почти соприкасались, но ни один не делал лишнего движения. Напряжение не исчезало — оно просто перестало быть опасным. Ева играла хорошо, но Хью быстро схватывал новое и его уже полностью охватил азарт. Он так давно не играл во что-то подобное, в бессмысленное и наивное, что его охватила волна озорства и детского восторга.

— Если что, — сказала Ева, не отрывая взгляда от экрана, — я не из тех, кто путает уважение с холодом.

— Я это понял, — ответил он. — И ценю. - А оценишь ли ты это! - Ева с яростью в голосе начала нажимать на кнопки

консоли, заставляя Хью сразу отражать удары её персонажа в игре.- Это был обманный манёвр? А я вот так! - Хью пытался выравнивать счёт.- Уже не успеешь! Я уже набрала очки!- Давай поспорим? Кто проиграет, с того завтра ужин!- Окей! - Ева толкнула его плечом, заставляя замедлить пальцы на джойстиках.- Не жульничай! В бизнесе я к этому привык, но вот от тебя не ожидал!- Что хочу, то и ворочу ! - хохотала Ева, не сдаваясь.- Я точно могу тебя догнать, если ты снова не отвлечёшь меня!- И отвлеку!Всё произошло опасно быстро.Ева положила свою консоль и повернулась к Хью.Из глаза встретилсь, Ева протянула руку и коснулась его щеки, приблизилась и поцеловала его в губы.Её губы были мягкими, но настойчивыми. Хью замешкался на пару секунд, затем ответил на поцелуй, отшвыривая свою консоль куда-то вглубь квартиры.Он двумя руками схватил Еву за талию и посадил на себя. Она резко взвыла и стиснула руками его шею. Хью понял, что задел повязку на рёбрах.- О чёрт, прости - прошептал он, прерывая поцелуй.- Заткнись - Ева ещё сильнее припечаталась своими губами к его.Её тело казалось хрупким в его объятиях, она прижалась к нему всем телом.Приставка издала звук окончания раунда и когда Хью подумал, что ей удалось его обыграть, Ева прошлась своим языком по зубам Хью.Она запустила пальцы в его волосы. Хью, впился пальцами в сочные ягодичы Евы, сжал их. Она ахнула - в этот раз явно от удовольствия.Хью целовал её с закрытыми глазами. Ему казалось, он проваливается в ка-

кую-то параллельную реальность. Это не может происходить по настоящему. Так резко. Феминистка на нём в первый вечер. Он почувствовал, что Ева немного трётся своими бедрами об его пах. То что у него встал сразу, как только она его поцеловала, он знал, но такого шага от неё он не ожидал. Он застонал и прижался к ней крепче. Теперь Ева оторвалась от его губ. Не показывая и малейшего стеснения - она встала с Хью и залезла на кровать, снимая шорты, оставаясь в черных трусах и футболке. - Иди ко мне - она не шутила и не кокетничала. "Эта женщина точно не играет и знает чего хочет" - подумал Хью, рассматривая румянец на щеках и растрёпанные волосы. Хью встал, неторопясь снял брюки, оставаясь в белых боксерах и рубашке. Она рассматривала очертания его члена под тканью трусов с полуулыбкой, явно оценивая размер. - Моя очередь - Ева сняла футболку и осталась в одних трусах. Её грудь была среднего размера, с четко очерченными сосками. Хью стянул рубашку. Они оба разглядывали друг друга. Это не было вихрем дикой безудержной страсти. Это желание было тягучим и горячим, но оно не испепеляло их. Хью залез на кровать к Еве и потянулся к её груди. Прикоснувшись к мягкой коже, он ощутил, что в соске есть пирсинг, который он не увидел в тусклом освещении. Простое кольцо в соске. Это показалось ему таким милым и бунтарским одновременно. Ева легла на спину, Хью целовал её в шею и гладил по животу, затем спустил руку ниже. Отодвинув ткань трусов, он прошёлся по пушистым волосам,

ища клитор. Было слегка необычно, потому что все женщины в его постели - были бритые везде, где нужно и не нужно. Это ощущение мягкости и теплоты между ног Евы заставило член Хью дернуться. Его пальцы скользнули между половых губ, пока Ева изучала языком его рот. Она дышала глубоко и часто, в квартире было жарко не от Чуруги, а от возбуждения их обоих. Ева застонала и выгнулась под Хью, когда он вошёл в неё одним пальцем, затем вышел и поласкал клитор, потом снова вошел во вагалище уже двумя пальцами, и снова вышел и уделил внимание клитору. Его рука была уже совсем мокрой, а член пульсировал так, будто сейчас он кончит прямо в трусы. Но он не торопился начинать активных действий, Ева не та женщина, с которой нужно спешить. Когда он вошел в неё двумя пальцами третий раз, ему показалось, что Ева напряглась. Он поднял голову от её губ и посмотрел ей в глаза. - Всё хорошо? - Нет...

...Он сразу убрал руку. Без паузы, без «ещё секундочку», будто это было самым естественным решением в мире.

— Всё. Стоп, — спокойно сказал Хью и отодвинулся, опираясь на локоть. — Нет - значит нет.

В комнате повисла тишина, но не неловкая. Та самая, в которой ничего не надо объяснять на скорость.

Ева медленно выдохнула и прикрыла глаза, будто проверяя себя изнутри.

— Спасибо, — сказала она негромко. — Не за то, что остановился. За то, *как*.

— Я не хочу быть человеком, после которого тебе придётся что-то долго чинить, — ответил он просто. — Ни тело, ни голову.

Она повернулась на бок, подтянула к себе плед и укрылась до талии. Хью тоже сел ровнее, оставляя дистанцию.

— Да, одного уже было достаточно... Да так, что, похоже, починить быстро не получится — сказала Ева после паузы, — ты знаешь что такое "нет".

— Возможно, когда-то ты мне расскажешь об этом?..

Она посмотрела на него внимательно, уже без румянца и без вызова. Очень прямо.

— Ты редкий экземпляр, Хью. Обычно в этот момент мужчины либо обижаются, либо давят, либо исчезают.

— Я предпочитаю оставаться, — пожал он плечами. — Если мне здесь по-настоящему хорошо.

Он лёг на спину, глядя в потолок, давая Еве пространство и воздух. Плед между ними стал не стеной, а договорённостью. Лиза сонно пришаркала с балкона, полакала воду и улеглась на лежанку у входной двери, уткнувшись носом в лапы.

— Я не исчезну, — сказал Хью спокойно. — И не буду делать вид, что ничего не было. Но я не буду тебя торопить. Ни сегодня, ни вообще.

Ева повернулась к нему лицом. Без вызова. Без защиты. Только усталость и честность.

— Знаешь, — сказала она, — феминизм — это не «я всё

могу». Это «я могу сказать нет, даже если хочу».

— Тогда ты сейчас максимально последовательна, — ответил он с лёгкой усмешкой. — И я это уважаю. Он сел в кровати и потянулся за джинсами.

Ева протянула руку и коснулась его запястья.

— Остайся, — сказала она тихо. — Просто переночуй. Без продолжений, без ожиданий. Мне сегодня важно, чтобы рядом был кто-то спокойный.

Хью посмотрел на часы, потом на неё.

— Утром у меня созвон. Восемь тридцать. Я встану рано.

— Значит, встанешь, — пожала она плечами. — Я не держу.

Он встал, аккуратно сложил свою рубашку на стуле, лёг поверх покрывала, на краю кровати, соблюдая дистанцию так же чётко, как бизнес-этикет. Но уже без напряжения.

Ева выключила свет. В комнате осталась только полоска фонарного света с улицы и тихий шум ночного Батуми. — Ева, рёбра в порядке? Не болят?

— Всё хорошо, мне просто нужно поспать — сказала она уже в темноте. — Чёрт... Еда на полу! Лиза может что-то стащить....

- Я уберу, лежи - Хью встал, включил свет. - Поддай пижаму - Ева показала на отшвыренные шорты и футболку.

Хью подал вещи, убрал еду в холодильник, выключил свет и снова лёг на кровать, Ева лежала уже в пижаме с закрытыми глазами.



Через несколько минут её дыхание стало ровным. Хью ещё долго лежал с открытыми глазами, впервые за долгое время не прокручивая задачи, сделки и дедлайны.

Он просто был.

И этого на сегодня оказалось достаточно.

**Утро**

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.